

Т.М. Петрова*

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА СОВЕТСКИХ ДНЕВНИКОВ И «ПИСЕМ ВО ВЛАСТЬ» КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ О Н.С. ХРУЩЕВЕ (1953–1964 ГОДЫ)doi:10.31518/2618-9100-2022-6-10
УДК (94)47 “1953/1964”*Выходные данные для цитирования:**Петрова Т.М. Критический анализ дискурса советских дневников и «писем во власть» как инструмент для изучения общественных настроений о Н.С. Хрущеве (1953–1964 годы) // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 135–145.**URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-10.pdf>*

T.M. Petrova*

CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS OF SOVIET DIARIES AND LETTERS TO THE AUTHORITIES AS AN INSTRUMENT FOR STUDYING PUBLIC OPINION ABOUT N.S. KHRUSHCHEV (1953–1964)

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-10

*How to cite:**Petrova T.M. Critical Discourse Analysis of Soviet Diaries and Letters to the Authorities as an Instrument for Studying Public Opinion about N.S. Khrushchev (1953–1964) // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 135–145. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-10.pdf>]*

Abstract. The article analyzes discourses of diaries and letters, which contain information about attitude of the population to N.S. Khrushchev. With the help of critical discourse analysis of N. Fairclough, sources are considered as communicative events. The author concludes that the presence of traditional and new discourses in diaries and letters indicates changes in the perception of the head of state in the minds of population. More traditional letters contain discourses of past times (peaceful, paternalistic), while the distinctive feature of diaries are discourses of personal characteristics and public approval, which are signs of the “thaw” indicating the expansion of boundaries of what is permissible in relation to the leader’s assessments. The latter became possible due to the transformations, which were initiated by Khrushchev. However, their inconsistency led to the emergence of a critical discourse, present both communicative events and caused by the disappointment of people with Khrushchev as head of state and his policy.

Keywords: N.S. Khrushchev, critical discourse analysis, N. Fairclough, public opinion, letters to the authorities, diaries.

The article has been received by the editor on 16.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируются дискурсы дневников и «писем во власть», содержащих информацию об отношении населения к третьему советскому вождю. При помощи инструментов критического дискурс-анализа Н. Фэркло источники рассматриваются в качестве коммуникативных событий. Автор приходит к выводу о том, что присутствие в письмах и дневниках традиционных и новых дискурсов иллюстрирует связь социальных и дискурсивных изменений. В более традиционных по содержанию письмах присутствуют в основном дискурсы предыдущих эпох (о мире, патерналистский), в то время как отличительной чертой дневников являются дискурсы личностных характеристик и общественного одобрения, являющиеся приметам «оттепели». Присутствие в обоих

* Татьяна Михайловна Петрова, аспирант, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: tatiana.petrova-t@yandex.ru

Tatiana Mikhailovna Petrova, Postgraduate Student, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: tatiana.petrova-t@yandex.ru

коммуникативных событиях критического дискурса свидетельствует о трансформации общественных настроений в сторону более скептического отношения к высшему руководству страны. Последнее стало возможным вследствие начатых преобразований, их непоследовательности и разочарования граждан Хрущевым как главой государства и его политикой.

Ключевые слова: Н.С. Хрущев, критический анализ дискурса, Н. Фэркло, общественные настроения, «письма во власть», дневники.

Статья поступила в редакцию 16.09.2022 г.

Общественные настроения, мнения и их трансформация как часть более общей проблемы коммуникации власти и общества давно находятся в поле зрения историков¹. При этом большинство существующих на данный момент исследований посвящено периоду 1920–1930-х гг.² Мнения «оттепельного» общества на этом фоне выглядят куда менее изученными.

В большинстве исследований общественные настроения середины 1950-х – начала 1960-х гг. рассматриваются в качестве реакции людей на преобразования как доказательства трансформации советского социума. Так, по мнению Е.Ю. Зубковой, несовпадение властных установок с общественным мнением было обусловлено отставанием моментов проведения реформ от периодов духовного подъема в обществе³. В то же время появление разных оценок текущих политических событий послужило основой для проведения реформ. Схожую позицию занял Ю.В. Аксютин⁴. Плюрализм реакций граждан на преобразования он связал с изменениями в сознании отдельных социальных групп (творческая интеллигенция, студенчество). Однако, в отличие от Зубковой, Аксютин трактовал поляризацию настроений как свидетельство переходного состояния общества от тоталитарного к демократическому строю. Связь между реформами Н.С. Хрущева и «модернизацией отношений между государством и народом» увидел и Э. Кулеви⁵. По его мнению, в 1950-х – начале 1960-х гг. государство попыталось вызвать доверие со стороны населения с целью решения социально-экономических проблем. Однако ослабление идеологического давления породило рост протестных настроений в обществе, а также сомнения в эффективности советской системы.

Сегодня общественные настроения периода «оттепели» изучаются преимущественно на региональном уровне⁶. Материалы Оренбурга, Томска, Карелии показывают, что власть, с одной стороны, ослабила контроль за общественной жизнью, чем вызвала политическую активизацию населения, а с другой – сохранила рычаги управления идеологией и стремилась

¹ Общественные настроения и мнения трактуются в статье синонимично.

² Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции. 1914–1918. М., 2020; Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени в России. 1920–1930 гг. М., 2012; Бушуева Т.С. Общественные настроения в Красной Армии. 1920-е – 1934 г. М., 2020; Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику». Советское общество и внешняя угроза в 1922–1941 гг. М., 2019; Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917–1932 гг. М., 2010; Орлов И.Б. «Сытый голодному не разумеет»: проблема выживания в «письмах во власть» (1917–1927) // Армагеддон: актуальные проблемы истории, философии, культурологии. М., 1999. С. 85–96.

³ Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993.

⁴ Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010.

⁵ Кулеви Э. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М., 2009. С. 185.

⁶ Вавулинская Л.И. Власть и общественная жизнь в Карелии в годы «оттепели» (середина 1950 – середина 1960-х годов) // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 533–540; Медеубаев Е.И. Власть и общество в Оренбуржье на закате хрущевской «оттепели»: умонастроения, массовая психология и жизненные ориентации // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. ст. Оренбург, 2018. С. 343–346; Муренко Д.И. Социально-политические трансформации хрущевской «оттепели» (на материалах комитета комсомола Томского государственного университета 1956–1957 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2021. № 1 (37). С. 138–148.

направить гражданскую инициативу в определенное русло. Данная непоследовательность в итоге привела к снижению доверия и критике власти со стороны населения.

Таким образом, сложившаяся историографическая традиция изучения общественных настроений в Советском Союзе середины XX в. тяготеет к рассмотрению реакции групп населения на отдельные политические преобразования. Отношение же людей к Никите Хрущеву как к инициатору большинства реформ остается за скобками. Недостаток внимания к нему делает вопрос изучения мнений и настроений советских граждан в отношении личности своего лидера, а не проводимой им политики, актуальным и требующим отдельного изучения.

Выявление общественных настроений в отношении Хрущева в статье проводится на основе «писем во власть» и дневников. Данный выбор неслучаен. Письма и дневники, в отличие от воспоминаний, отражают моментально-рефлекторную реакцию людей на события, а не память о них.

Письма, использованные в исследовании, выявлены в фондах Р-5446 (Совет Министров) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), 3 (Политбюро/Президиум ЦК КПСС) и 100 (Подотдел писем Общего отдела ЦК КПСС) Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). К сожалению, не у всех писем возможно определить авторство, поэтому указанием имени и фамилии отправителей в статье сопровождается лишь часть цитируемых текстов.

Некоторые из приводимых дневников полностью или частично опубликованы (дневники Л. Шапориной, Н. Каманина, Р. Назирова), однако большая их часть находится в электронном корпусе дневников и воспоминаний «Прожито». Цитаты из всех источников приводятся с сохранением орфографии и пунктуации авторов.

В данной статье дискурс писем и дневников и его связь с социальной реальностью анализируется для выявления изменений в отношении населения к Хрущеву. Для этого используется инструментальный критический дискурс-анализ Н. Фэркло⁷. Концепция Фэркло предполагает анализ коммуникативного события (тексты писем и дневников) на уровнях дискурсивной практики, текста и социальной практики. Дискурсивная практика предполагает выявление дискурсов, на основе которых создан текст, или определение степени интердискурсивности. Анализ непосредственно текста сводится к анализу его лингвистических характеристик. Наконец, на третьем и самом важном, по мнению Фэркло, уровне изучения социальной практики рассматриваются отношения между дискурсивной практикой и порядком дискурса, выявляется связь изменений дискурса с социальными трансформациями.

Подобный ракурс анализа источников позволяет сделать отношение людей к Хрущеву самостоятельной исследовательской проблемой. Несмотря на то, что в историографии в первую очередь анализируются настроения в отношении политических решений, где Хрущев выступает лишь дополнением, представляется возможным, наоборот, посмотреть на реформы как на контекст для мнений о лидере. Разность реакций на проводимую политику могла касаться не только конкретных мероприятий, но и их инициатора. Следовательно, в данной статье предпринимается попытка ответить на вопросы о том, какие настроения и мнения о Хрущеве присутствовали в дискурсе советских граждан и как они были связаны с социальными изменениями эпохи «оттепели».

«Письма во власть». В силу массового характера и содержательной неоднородности «писем во власть» на их основе нельзя сформировать универсальную модель отношения людей к Хрущеву, однако можно попытаться выявить некоторые тенденции, присутствующие в большинстве текстов. В первую очередь речь идет о дискурсивном строе писем, их текстуральных характеристиках и отражении в них социальной реальности.

Всего удалось выявить в письмах как минимум четыре дискурса, в которых репрезентировалось мнение советских граждан в отношении Хрущева: патерналистский, критический, антисталинский, дискурс о мире.

⁷ Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, 2003; Йоргенсен М., Филлипс Л. *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Харьков, 2008.

Первый, патерналистский, характеризуется написанием местоимения «Вы» с заглавной буквы, обращениями «вождь», «учитель», «отец», «дедушка»⁸. Некоторые из этих характеристик, например, «отец» и «вождь», применялись к Сталину. Употребление же их в отношении Хрущева свидетельствует о сохранении элементов прежнего патерналистского дискурса, несмотря на изменение политической обстановки.

Например, рабочие химического завода г. Новомосковска Тульской области называли Хрущева «дорогой наш вождь и учитель, демократ за предотвращение ядерной войны во всем мире»⁹. В данном письме одновременно присутствовали «сталинские» характеристики «вождь» и «учитель» и нетипичное для советского лидера определение демократа в значении миротворца. Следовательно, патерналистский дискурс был объединен с дискурсом о мире.

Другим проявлением патерналистского дискурса при характеристике Хрущева являлось его обозначение в качестве отца, дедушки, подразумевавшее неформальное, семейное отношение к лидеру страны. Если последним определением Хрущева наделяли дети («Здравствуйте, дорогой дедушка Никита Сергеевич») ¹⁰, то «старшим товарищем и другом», «отцом» его называли уже взрослые люди. Характеристика «товарищ» присутствовала в поздравительных письмах в ряду других эпитетов, «отец» же использовался самостоятельно. Граждане писали: «Мы все и лично я, благодарим Вас, дорогой Никита Сергеевич и Отец наш, Председатель Совета Министров СССР за Вашу добрую заботу, которую Вы проявляете»¹¹. Использование подобных определений свидетельствует о восприятии разными возрастными группами населения Хрущева не только как главы государства, но и как близкого человека, даже родственника. Демонстрация такого отношения к лидеру не была новацией «оттепели», поскольку «Отцом народов» именовался еще Сталин¹².

Главной темой следующего дискурса – о мире – являлось предотвращение нового глобального конфликта. В его рамках Хрущев предстал главным борцом за мир во всем мире, освободителем стран Азии, Африки и Латинской Америки от колониальной зависимости. Эти акценты во мнениях о лидере были обусловлены коллективной травмой общества после недавно закончившейся войны, присутствием в речах Хрущева тезисов о недопустимости подобного сценария впредь, его встречами с лидерами стран – бывших колоний и оказанной им помощью.

Граждане, находившиеся, скорее всего, под впечатлением от подобных речей и дел Хрущева, характеризовали его в своих письмах как «посланца мира и доброй воли»¹³. Чаще всего они писали непосредственно до или сразу после зарубежной поездки лидера. В письмах-напутствиях люди выражали свои переживания («У меня вся душа уболит о Вас и я буду только тогда спокойна, когда Вы вернетесь домой») ¹⁴. После же возвращения Хрущева на Родину граждане благодарили его за проделанную работу («Спасибо за то, что вы так здорово дали по зубам зарвавшимся империалистическим хищникам») ¹⁵. Важным оказывался не только сам факт поездки за рубеж, но и внешнеполитическая деятельность Хрущева там. В своих выступлениях лидер подчеркивал миролюбивый характер СССР, который в наибольшей степени пострадал в ходе Второй мировой войны и поэтому лучше всех понимал важность недопущения нового конфликта¹⁶.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 92. Д. 910. Л. 16–17; Оп. 95. Д. 1146. Л. 16–16 об., 23–24; Оп. 98. Д. 1611. Л. 17; Д. 1620. Л. 72–72 об.; Д. 1621. Л. 26.

⁹ Там же. Оп. 98. Д. 1611. Л. 14.

¹⁰ Там же. Оп. 94. Д. 1284. Л. 115–115 об.; Оп. 97. Д. 1501. Л. 9–9 об.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 97. Д. 1501. Л. 141–141 об.; Оп. 95. Д. 1145. Л. 16–16 об.; Оп. 96. Д. 1290. Л. 26; Оп. 97. Д. 1501. Л. 104–105.

¹² Подробнее см.: Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 743–784.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 93. Д. 1309. Л. 203–204 об.

¹⁴ Там же. Л. 90–91.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 93. Д. 1309. Л. 203–204 об.; Оп. 94. Д. 1280. Л. 89–90; Оп. 95. Д. 1145. Л. 16–16 об.

¹⁶ Например, во время поездки в США в 1959 г., отвечая на вопросы журналистов, Хрущев сказал: «...я ничего не хочу делать, что противоречило бы этой главной цели – улучшению отношений между нашими странами, ликвидации состояния “холодной войны”, что мешало бы обеспечению дружбы, укреплению мира во всем мире» (Жить в мире и дружбе! Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева в США. 15–27 сентября 1959 г. М., 1959. С. 78).

Следовательно, идентичность Хрущева-мироотворца формировалась в рамках дискурса о мире. При этом чаще всего его мироотворческая деятельность характеризовалась в качестве «неутомимой». Основным показателем здесь становилось количество зарубежных поездок, официально обозначавшихся пропагандой в качестве «визитов мира»¹⁷.

Помимо дискурса о мире, в письмах нашел отражение так называемый антисталинский дискурс. Он основывался на закрытом докладе Хрущева на XX съезде КПСС, развенчании культа личности Сталина и реабилитации жертв политических репрессий. Граждане, пострадавшие от репрессий, выражали Хрущеву благодарность за «чуткое внимание», «мужество» и «заботу о людях»¹⁸. Горняки Донбасса, в частности, подчеркивали хрущевскую мобилизацию партии и народа «на разоблачение и ликвидацию предательской антипартийной фракционной группировки Маленкова, Молотова, Кагановича»¹⁹. Житель Иркутска Г.А. Гладков в январе 1963 г. писал Хрущеву: «Разрешите горячо поздравить и поблагодарить Вас за Ваше чуткое внимание, которое Вы оказали в те дни, когда всем стало известно о культе личности Сталина, а тоже антипартийную группу, которая непосредственно принимала участие в репрессиях в 1937–1938 годах»²⁰. Отсюда следует, что антисталинский дискурс сводился преимущественно к теме репрессий 1930-х гг., вина за которые возлагалась населением не только на Сталина, но и на его ближайший круг, в который, однако, не включался Хрущев. Последнему, наоборот, ставилось в заслугу разоблачение деятельности бывших коллег по Политбюро. Противопоставление Хрущева «наследникам Сталина» носило неслучайный характер. В советском общественном дискурсе середины XX в. имена Берии и членов «антипартийной группы» имели резко отрицательную коннотацию. На этом фоне третий советский лидер репрезентировался как их антагонист, борец с культом личности за ленинский стиль работы.

Еще одна точка зрения на Хрущева основывалась на мнении о нем как о «верном ученике Ленина»²¹. С одной стороны, эта характеристика выглядела традиционно, поскольку все следующие после В.И. Ленина руководители партии и правительства рассматривались в качестве его преемников. С другой стороны, в результате политики десталинизации подчеркивание политического «родства» Хрущева с Лениным противопоставляло его Сталину. В этой связи граждане акцентировали внимание на «ленинских» чертах Хрущева: внешней доступности («Ваше стремление быть всегда с народом») и активной реформаторской деятельности («размах строительства, которое в результате Вашей государственной мудрости, ленинской принципиальности и энергии выдвинуто на переднюю линию развития нашей социалистической Родины и ее движения к коммунизму»)²².

Наконец, еще одним дискурсом, присутствовавшим в «письмах во власть», был критический дискурс. Он выражался в недовольстве граждан по самым разным вопросам, касавшимся внутренней политики Хрущева. Чувствуя относительную свободу в выражении собственного мнения после марта 1953 г., люди не стеснялись критиковать главу государства за нарушение ранее данных обещаний, несмотря на то, что, как отметил Ю. Аксютин, правительство предпринимало усилия по «модернизации инфраструктуры и управления»²³. Например, ассистент Политехнического института Петренко после выставки в Манеже в 1962 г. обвинял советского лидера в попытке навязать свое мнение другим, нарушив тем самым ленинские принципы²⁴. Ввиду позиционирования Хрущева как восстановителя и продолжателя ленинского курса подобное замечание приобретало дополнительную резкость и лишало Хрущева символического статуса «наследника Ленина», а значит и легитимного лидера.

¹⁷ Подробнее см.: Зубков С.А. «Лицом к лицу»: формирование международного имиджа Н.С. Хрущева в средствах массовой информации // Новый исторический вестник. 2007. № 1 (15). С. 101–107.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 97. Д. 1501. Л. 7–8 об., 42–42 об.

¹⁹ Там же. Оп. 62. Д. 198. Л. 16–18.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 97. Д. 1501. Л. 7–8 об.

²¹ Там же. Д. 1498. Л. 65–67.

²² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 199. Л. 1, 16–18, 34.

²³ Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель»... С. 414.

²⁴ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Л. 31–33.

Очень часто люди жаловались на продовольственную проблему, которая приобрела к 1962 г. особую остроту. По словам граждан, они «ждали снижения цен на продукты», а Хрущев вместо этого отрезает «кусочек хлеба у рабочих»²⁵. Нехватка продуктов питания, особенно мяса и молока, их дороговизна связывались с приглашением в СССР иностранных делегаций («А вот мой вам совет, поменьше приглашайте зарубежных гостей и поменьше заказывайте столов, на которые уходит масса денег»)²⁶.

Согласно Е. Зубковой, основу общественной атмосферы в 1954–1964 гг. составлял страх перед возможным ухудшением жизни²⁷. Отсутствие ощутимого роста благосостояния должно было восприниматься людьми как провал политики реформ. Ответственность за это население возлагало на Хрущева, поскольку рассматривало его в качестве главного инициатора преобразований, а значит и виновника всех неудач. Следовательно, с отправкой Хрущева на пенсию ситуация в стране должна была измениться в лучшую сторону.

Особое недовольство в письмах проявлялось, когда авторами поднималась тема Сталина. В одних текстах деятельность Сталина на посту главы СССР одобрялась, а Хрущев обвинялся в том, что разрушил благосостояние, достигнутое в предыдущий период. Граждане также обвиняли его в реабилитации на XX съезде КПСС «врагов народа» (Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова, Бухарина и др.), попытке «опорочить старых большевиков – соратников В.И. Ленина, в особенности товарища Сталина»²⁸. Одновременно с этим заявлялось, например, что «если бы Сталин так руководил страной, те 4 года войны мы не выдержали б»²⁹.

В других письмах Хрущев критиковался как предатель собственной же политики борьбы с культом личности и создатель собственного культа. Некоторые граждане отмечали складывание нового культа личности, борцом с которым формально позиционировал себя Хрущев: «почему же Вы, понося всячески культ личности, не замечаете, что создаете культ Хрущева? Ведь присмотритесь, ни в одной газете, ни в одном журнале, даже в специальных научных, Вас не забывают славословить. И Вам это нравится. Скромности у Вас ленинской нет и в помине»³⁰. Люди проявляли недовольство сохранением аплодисментов и оваций в адрес лидера, публикациями в прессе только положительной информации о работе партии и правительства, восхвалением деятельности Хрущева. Так, Евгений Гусев из Ростова-на-Дону негодовал по поводу того, что «товарищ Хрущев только и знает, что занимается самовосхвалением, делает длинные, хвастливые речи, а кто много говорит, тот мало делает»³¹.

Следовательно, в большинстве «писем во власть» присутствуют повторяющиеся дискурсы: от борьбы за мир до отхода от сталинских принципов в управлении страной. Авторы идентифицировали Хрущева в качестве вождя и миротворца, хвалили его за начало десталинизации и критиковали за отступление от сталинских норм. Подобные противоположные настроения существовали в сознании людей одновременно: демократизация внутренней жизни сделала допустимым наличие разных мнений по одним вопросам. Также показательным является фактическое копирование информации СМИ в дискурсах о мире, патерналистском и антисталинском. Люди «присваивали» и воспроизводили оценки, данные Хрущеву пропагандой. Скорее всего, это было вызвано психологической установкой части граждан на веру в правоту власти. Более склонные к рефлексии или просто более смелые граждане проявляли недовольство только в рамках критического дискурса. Он являлся важной дискурсивной новацией «оттепели», так как демонстрировал потерю у населения страха перед властью.

Дневники. В отличие от писем, дневники являются менее массовым источником. Авторы дневников, в отличие от «писем во власть», более склонны к критическому анализу происходящих вокруг событий. При этом содержание дневников сильно разнится между собой. Главная причина этого, как и в случае с письмами, заключается в зависимости

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 96. Д. 1328. Л. 14–14 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Зубкова Е.Ю. Общество и реформы... С. 120.

²⁸ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Д. 144. Л. 1–12.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 98. Д. 1611. Л. 20; РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Л. 47, 48.

³⁰ Там же. Л. 119–121; Д. 144. Л. 20–20 об., 28, 31–32; Д. 146. Л. 22–22 об.

³¹ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Л. 56–58 об.

восприятия авторов от возраста, уровня образования, профессиональной принадлежности, политических взглядов и т.д.

В изученных дневниках присутствуют три дискурса, связанные с Хрущевым и его деятельностью: критический, личностных характеристик вождя, а также одобрения. Если критический дискурс характерен для обоих коммуникативных событий, то остальные являются отличительной особенностью текстов дневников.

В рамках критического дискурса авторы дневников выражали недовольство как Хрущевым-человеком, так и Хрущевым-политиком. Его критиковали за «не очень интеллигентный говор» (художница Л. Шапорина и историк С. Дмитриев)³², слишком частое присутствие в СМИ (геолог Б. Вронский)³³, присвоение в короткий срок трех звезд Героя Социалистического Труда и одновременное занятие ключевых должностей в партии и правительстве (генерал-полковник авиации Н. Каманин)³⁴, а также отсутствие обещанного товарного «изобилия» (автомеханик Н. Козаков)³⁵.

На фоне, с одной стороны, провала многих хрущевских обещаний, а с другой, избавления от страха сталинской эпохи, общество стало требовать все большего и, как следствие, ругать власть за недостаточную заботу о населении и невыполнение собственных обещаний.

Следующий дискурс дневников о личностных характеристиках вождя выражался в описании физических и психологических особенностей Хрущева, нетипичности некоторых его действий. В рамках данного дискурса авторы дневников, как правило, конструировали идентичность Хрущева в качестве «народного лидера».

Чаще всего люди обращали внимание на внешнюю невыразительность Хрущева, свойственную скорее рядовому гражданину, чем главе огромного государства («он воплощал собой, скорее, тип градоначальника, нежели лидера ядерной сверхдержавы»³⁶). Кроме того, работа слесарем на Донбассе и известная любовь к украинской культуре создавали почву для проявления национализма в его отношении. Так, адвокат А. Маслов из г. Томска писал, что «у нас никак не бывает, чтобы глава государства был русский», а его друг охарактеризовал Хрущева как «хитрого хохла»³⁷.

Предметом рефлексии граждан также была эмоциональная манера выступлений Хрущева. С одной стороны, она оценивалась положительно, когда речь шла о стиле речи Хрущева в целом, без привязки ко времени и месту. Биолог Э. Филипович писала по этому поводу: «Речи Н.С. Хрущева читаю с наслаждением. Просто, по-мужицки прямо и даже озорно говорит»³⁸. С другой стороны, когда эмоциональность Хрущева была контекстуализирована, она могла принимать отрицательное значение. Например, разоблачающие Сталина и Берию экспрессивные выступления конца 1950-х гг. заставили Л. Шапорину назвать Хрущева «Наполеоном от коммунизма», устраивающим новый Брюмер³⁹.

Еще одним примером конструирования «человеческой» идентичности Хрущева является его поименование. Авторы дневников называли его в основном по фамилии, однако встречаются и более неформальные примеры: Никита Сергеич или Никита (литературовед Р. Назиров)⁴⁰, акула Хрущев (Н. Козаков)⁴¹, фюрер Хрущев (учитель истории Л. Липкин)⁴².

Первые два примера имеют положительные коннотации, в том числе в силу того, что Назиров, видимо, позитивно относился к деятельности Хрущева («Никита Сергеич наводит

³² Шапорина Л.В. Дневник: в 2 т. М., 2017. Т. 2. С. 363; Дмитриев С. Дневник [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/note/40387> (дата обращения: 10.08.2022).

³³ Вронский Б. Дневник [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/note/608421> (дата обращения: 10.08.2022).

³⁴ Каманин Н.П. Скрытый космос. М., 1995. Кн. 1. С. 63–64.

³⁵ Козаков Н. Дневник [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/note/245505> (дата обращения: 10.08.2022).

³⁶ Самойлов Д. Дневник [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/note/65731> (дата обращения: 10.08.2022).

³⁷ Маслов А. Дневник [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/note/651648> (дата обращения: 10.08.2022).

³⁸ Твардовский А. Дневник [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/note/196287> (дата обращения: 10.08.2022);

Филипович Э. Дневник [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/person/1385> (дата обращения: 10.08.2022).

³⁹ Шапорина Л.В. Дневник... С. 363.

⁴⁰ Назиров Р.Г. Из дневника 1960 года // Назировский архив. 2020. № 3. С. 278.

⁴¹ Козаков Н. Дневник...

⁴² Липкин Л. Дневник [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/note/641182> (дата обращения: 10.08.2022).

порядок. Теперь в Советском Союзе только три человека получают зарплату в 10.000 рублей: Хрущев, Булганин и Ворошилов»⁴³. В то же время другие авторы выражали свое недовольство Хрущевым через добавление к его фамилии едких эпитетов – акула и фюрер. При этом причина сравнения Липкиным лидеров СССР и нацистской Германии не совсем понятна, так как из контекста дневника она не следует напрямую («Фюрер Хрущев якобы попросил отставку в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья»)⁴⁴.

Интересно, что во всех определениях Хрущева вне зависимости от положительной или отрицательной окраски проявляется субъективная модальность⁴⁵. Люди не называли его лидером, вождем, учителем, не писали о внутри- и внешнеполитических успехах Хрущева. Дискурс о личностных характеристиках в дневниках складывался преимущественно из человеческих, а не профессиональных особенностей Хрущева, из обращений к нему по имени. Следовательно, дистанция между высказыванием и его субъектом сокращалась, а Хрущев воспринимался частью населения уже не как вождь, а как человек.

Наконец, в текстах дневников присутствует дискурс общественного одобрения. Он был, пожалуй, одним из важнейших достижений периода «оттепели», поскольку в его рамках люди писали о степени популярности Хрущева в советском обществе. Подобная традиция одобрения главы государства была характерна для западной политической культуры и связана с институтом выборов. В Советском Союзе население не оказывало прямого влияния на выбор лидера, поэтому в их поддержке он нуждался не так сильно. Тем не менее с середины 1950-х гг. советские граждане тоже получили возможность оценивать популярность лидера страны.

С этого момента в дневниках начали появляться записи об отношении к Хрущеву в разных частях страны («Рассказывает Алик о большой непопулярности Хрущева в Москве. В Грузии люто ненавидят Хрущева и Микояна»⁴⁶) или со стороны общества в целом («Хрущев не пользуется симпатиями общественности, относятся к нему с холодком, насмешливо и недоверчиво»⁴⁷). Одной из самых показательных является заметка в дневнике Б. Вронского. По его мнению, у Хрущева нет авторитета, а все люди в его окружении лишь «кулуарно над ним подтрунивают и единогласно утверждают некоронованным монархом»⁴⁸.

Следовательно, ослабление идеологических оков в общественной жизни привело к тому, что люди перестали бояться проявлять (пусть даже на страницах личных дневников) свое недовольство властью в лице лидера страны. Они стали писать о популярности и степени доверия к Хрущеву, демонстрируя демократизацию общественных настроений.

Таким образом, в дневниках, так же как и в письмах, выделяются несколько дискурсов, при помощи которых выражались мнения о Хрущеве. Если авторы писем критиковали преимущественно конкретные политические шаги советского лидера, то авторы дневников проявляли больше недовольства в отношении поведения Хрущева на публике. Сокращение субъективной дистанции способствовало созданию идентичности Хрущева в качестве лидера-человека. В текстах дневников была артикулирована новая для советской политики тема популярности лидера и одобрения его деятельности. При этом авторы не были склонны воспроизводить дискурс СМИ. Они, наоборот, становились в оппозицию пропаганде, спорили с ней, высказывали свои критические замечания.

Присутствие в «письмах во власть» и дневниках разных дискурсов позволяет говорить о них как об интердискурсивных коммуникативных событиях. При этом дневники характеризуются присутствием большего числа дискурсов «оттепели», наиболее показательным из которых является дискурс одобрения. Авторы же писем выражали свое мнение о Н.С. Хрущеве в основном при помощи более традиционных дискурсов: о мире и патерналистского.

⁴³ Назиров Р.Г. Дневник [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/note/182148> (дата обращения: 10.08.2022).

⁴⁴ Липкин Л. Дневник...

⁴⁵ Fairclough N. *Analysing Discourse...* P. 17.

⁴⁶ Назиров Р.Г. Дневник...

⁴⁷ Дмитриев С. Дневник...; Слезов Г. Дневник [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/note/456123> (дата обращения: 10.08.2022).

⁴⁸ Вронский Б. Дневник...

Следовательно, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. во мнениях людей о лидере произошли значимые изменения, свидетельством чего являлось появление новых дискурсов. При этом авторы дневников были более чувствительны к социальным изменениям, что отразилось в их настроениях по отношению к главе государства. Скорее всего, навык рефлексии способствовал тому, что делавшие записи в дневниках люди подмечали недостатки личности Хрущева и экстраполировали их на его политические решения. Кроме того, сам формат дневников позволял авторам высказываться по злободневным для них вопросам с большей степенью откровенности. Склонные же преимущественно копировать риторiku СМИ авторы «писем во власть» продолжали относиться к Хрущеву традиционно, видя в нем продолжателя дела Ленина и миротворца № 1.

Общим для «писем во власть» и дневников было то, что граждане выражали одобрение починам хрущевских преобразований, будь то усиление позиций СССР на мировой арене, борьба с культом Сталина или массовое жилищное строительство. Их несбыточность привела к появлению в обоих коммуникативных событиях критического дискурса, в рамках которого демократизированное к середине 1960-х гг. общество открыто проявляло негативные настроения в адрес Хрущева. В сознании граждан образовалась связка «Хрущев – реформы», подразумевавшая обусловленность всех положительных и отрицательных начинаний личностью лидера. При этом люди отделяли фигуру Хрущева от политической сферы. Критикуя лидера, они не подвергали критике саму систему. В середине 1960-х гг. в общественных настроениях еще доминировала идея о том, что все успехи и провалы СССР связаны с одним конкретным человеком, сохранение которого у рычагов управления или его устранение от власти может решить все проблемы.

Литература

Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции. 1914–1918. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 984 с.

Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 621 с.

Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени: Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 756 с.

Бушуева Т.С. Общественные настроения в Красной Армии, 1920-е–1934 г. М.: Изд-во МПГУ, 2020. 443 с.

Вавулинская Л.И. Власть и общественная жизнь в Карелии в годы «оттепели» (середина 1950 – середина 1960-х годов) // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 533–540.

Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику»: советское общество и внешняя угроза в 1922–1941 гг. М.: Директ-Медиа, 2019. 285 с.

Зубков С.А. «Лицом к лицу»: формирование международного имиджа Н.С. Хрущева в средствах массовой информации // Новый исторический вестник. 2007. № 1 (15). С. 101–107.

Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М.: Россия молодая, 1993. 198 с.

Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во Гуманитарного центра, 2008. 336 с.

Кулевиц Э. Народный протест в хрущевскую эпоху: девять рассказов о неповиновении в СССР. М.: АИРО-XXI, 2009. 206 с.

Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 341 с.

Медеубаев Е.И. Власть и общество в Оренбуржье на закате хрущевской «оттепели»: умонастроения, массовая психология и жизненные ориентации // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. статей. Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2018. С. 343–346.

Муренко Д.И. Социально-политические трансформации хрущевской «оттепели» (на материалах комитета комсомола Томского государственного университета 1956–1957 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2021. № 1 (37). С. 138–148.

Орлов И.Б. «Сытый голодному не разумеет»: проблема выживания в «письмах во власть» (1917–1927) // Армагеддон: актуальные проблемы истории, философии, культурологии. Кн. 4: июль–сентябрь: сб. ст. / Моск. пед. ун-т; науч. ред. В.Э. Багдасарян. М.: Сигнал, 1999. С. 85–96.

Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.

Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge, 2003. 199 p.

References

Aksenov, V.B. (2020). *Sluhi, obrazy, emotsii: massovye nastroeniya rossiyan v gody vojny i revolyutsii. 1914–1918* [Rumors, Images, Emotions: Mass Moods of Russians During the War and Revolution]. Moscow, New Literary Observer. 984 p.

Aksyutin, Yu.V. (2010). *Khrushhevskaya “ottepel” i obshhestvennye nastroeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [Khrushchev's “Thaw” and Public Opinion in the USSR in 1953–1964]. Moscow, ROSSPEN. 621 p.

Buldakov, V.P. (2012). *Utopiya, agressiya, vlast: psikhosotsialnaya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni: Rossiya, 1920–1930 gg.* [Utopia, Aggression, Power: Psychosocial Dynamics of Post-Revolutionary Time: Russia, 1920–1930]. Moscow, ROSSPEN. 756 p.

Bushueva, T.S. (2020). *Obshhestvennye nastroeniya v Krasnoy Armii, 1920–e–1934 g.* [Public sentiment in the Red Army, 1920s–1934]. Moscow, Izdatelstvo MPGU. 443 p.

Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, Routledge. 199 p.

Golubev, A.V. (2019). *“Eсли mir obrushitsya na nashu respubliku”: sovetskoe obshchestvo i vneshnyaya ugroza v 1922–1941 gg.* [“If the World Collapses on Our Republic”: Soviet Society and the External Threat in 1922–1941]. Moscow, Direkt-Media. 285 p.

Gyunter, Kh., Dobrenko, E. (Eds.). (2000). *Sotsrealisticheskiy kanon* [Social Realistic Canon]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt. 1040 p.

Yorgensen, M., Fillips, L. (2008). *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis. Theory and Method]. Kharkov, Izdatelstvo Gumanitarnogo tsentra. 336 p.

Kulevig, E. (2009). *Narodnyy protest v khrushhevskuyu epohu: devyat rasskazov o nepovinenii v SSSR* [Popular Protest in the Khrushchev Era: Nine Stories about Disobedience in the USSR]. Moscow, AIRO-XXI. 206 p.

Livshin, A.Ya. (2010). *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoj Rossii. 1917–1932 gg.* [Opinions and Political Emotions in Soviet Russia. 1917–1932]. Moscow, ROSSPEN. 341 p.

Medeubaev, E.I. (2018). *Vlast i obshchestvo v Orenburzh'e na zakate khrushhevskoy “ottepelii”: umonastroeniya, massovaya psihologiya i zhiznennye orientatsii* [Power and Society in Orenburg Region at the Sunset of Khrushchev's “Thaw”: Attitudes, Mass Psychology and Life Orientations]. In *Devyatye Bolshakovskie chteniya. Orenburgskiy kray kak istoriko-kulturnyy fenomen*. Orenburg, pp. 343–346.

Murenko, D.I. (2021). *Sotsialno-politicheskie transformatsii khrushhevskoy “ottepelii” (na materialah komiteta komsomola Tomskogo gosudarstvennogo universiteta 1956–1957 gg.)* [Socio-Political Transformations of the Khrushchev “Thaw” (Based on the Materials of the Komsomol Committee of Tomsk State University 1956–1957)]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Iss. 1 (37), pp. 138–148.

Orlov, I.B. (1999). *“Sytyy golodnomu ne razumeet”: problema vyzhivaniya v “pismah vo vlast” (1917–1927)* [“The Well-Fed does not Understand the Hungry”: The Problem of Survival in “Letters to the Authorities” (1917–1927)]. In *Armageddon: aktualnye problemy istorii, filosofii, kulturologii*. Moscow. Vol. 4, pp. 85–96.

Vavulinskaya, L.I. (2021). Vlast i obshhestvennaya zhizn v Karelii v gody “ottepeli” (seredina 1950 – sredina 1960-h godov) [Power and Public Life in Karelia during the “Thaw” (mid-1950s – mid-1960s)]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 21, Iss. 4, pp. 533–540.

Zubkov, S.A. (2007). “Litsom k litsu”: formirovanie mezhdunarodnogo imidzha N.S. Khrushcheva v sredstvakh massovoy informatsii [“Face to Face”: Formation of the International Image of N.S. Khrushchev in the Media]. In *Novyy istoricheskiy vestnik*. Iss. 1 (15), pp. 101–107.

Zubkova, E.Yu. (1993). *Obshhestvo i reformy. 1945–1964* [Society and Reforms. 1945–1964]. Moscow, Rossiya molodaya. 198 p.